

Кто знает, что у него на уме? Се Чэньлу не знал ровным счетом ничего. За те сотни лет, что прошли с тех пор, как Чу Цзюань был еще жив, он проявил по отношению к нему истинное хладнокровие и безразличие.

Но теперь все изменилось. Его Высочество не помнил уже ничего. Все те обиды и любовь, ненависть, предательства и терзания — все это стерлось из памяти Его Высочества без следа.

Поэтому он взял руку Чу Цзюаня, прижал к своей груди и, склонившись, нежно поцеловал. Чу Цзюань рефлекторно попытался отдернуть руку, но безуспешно.

Теплые губы коснулись кончиков пальцев Чу Цзюаня. В тот же миг чистая, мягкая духовная энергия хлынула в его плоть. Вскоре поток силы, не причиняющий ни малейшего вреда, разлился по всему телу, согревая меридианы, и густо усеивавшие руки красные пятна мгновенно исчезли, словно их и не было.

Зрачки Чу Цзюаня слегка сузились, он с силой выдернул руку и невольно повысил голос:

— Что ты делаешь?

Се Чэньлу по своей сути был небесным оленем, растущим на Духе Бессмертного Источника. Этот Дух был для него равносителен совершенствованию и самой жизни. Даже в те триста лет, когда он был безумно и безнадежно предан Цинхэну, он лишь дважды решался потратить частицу Духа Бессмертного Источника, и то в те разы отделялся лишь легким недомоганием. А сейчас он пустил его в ход без колебаний.

Сила Се Чэньлу была пугающей, но движения — невероятно бережными. Помолчав, он поднял голову и хрипло произнес:

— Ваше Высочество, триста лет я метался в тревоге, не зная покоя, и, кажется, стал забывчив. Простите меня на этот раз, хорошо?

Возможно, из-за того, что он ослаб после использования своей силы, его голос звучал еще мягче и нежнее, заставляя невольно проникнуться жалостью.

Чу Цзюань на мгновение замер. Его взгляд потемнел, и он вдруг протянул руку с постели, поправляя прядь волос у виска Се Чэньлу, и тихо сказал:

— Чэньлу, ты натерпелся за эти годы.

Услышав это, Се Чэньлу слегка напрягся. Он чуть заметно улыбнулся, прижал руку Чу Цзюаня к своей щеке и прошептал:

— Лишь бы Ваше Высочество было в порядке, тогда все труды не напрасны.

Триста лет бессонных ночей, будоражащих шесть миров, все силы, отданные ради

воскрешения, все пережитое отчаяние — стоило лишь увидеть, как он просыпается живым и здоровым, как все это обретало смысл.

Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь окно, ложились на их лица. Даже если каждый из них хранил свои тайны, даже если между ними высились слои лжи, в этот миг наполненный теплом свет заставлял невольно остановиться и задержать дыхание.

Даже если это была ложь, со стороны они казались идеальной парой небожителей.

Во всей Девятислойной Небесной обители лишь Дворец Вэй был скован льдами круглый год. Во Дворце Бисяо же сейчас царила весна: расцветали цветы, за которыми ухаживали небесные девы, и повсюду разливалось благоухание, приносящее в это место жизнь.

Се Чэньлу и Чу Цзюань жили в главном дворце. Отовсюду открывался прекрасный вид, повсюду журчали ручьи, стекающие в реку из тумана — все здесь было устроено с любовью и согласно предпочтениям Се Чэньлу.

Жаль только, что дворец пустовал долгие годы. Возможно, из страха перед воспоминаниями, а может, в наказание самому себе, Се Чэньлу все триста лет терпел ледяную стужу Дворца Вэй и, как сам и говорил, не знал ни одного спокойного сна.

Теперь все позади. Се Чэньлу сложил свитки, небрежно отложил бумаги на край стола и опустил веки:

— На сегодня закончим.

Чиновники в зале заседаний невольно наострили уши, едва не решив, что ослышались. Неужели Нэйцзюнь, всегда свято блюдуший правила, решил уйти пораньше?

Но кто станет упускать такую возможность? Бессмертные, поглаживая бороды, поспешили откланяться, и даже выйдя наружу, с любопытством обсуждали, с чего это Нэйцзюнь так переменился и перестал требовать обсуждения того, какие духовные жилы нужно вскрыть для призыва души Его Высочества.

— Глупые, — злобно одернул коллегу старый бессмертный. — Забыли? Его Высочество проснулся.

Осенило всех разом:

— Неудивительно, что Нэйцзюнь так спешит обратно...

Се Чэньлу слышал их шепот, но не стал возражать. Он отпил чаю, чтобы смочить горло, и вдруг вспомнил:

— Помню, Его Высочество любит чай Бицзяньлу. Прикажите приготовить его, пусть всегда будет теплым...

Не договорив, он встал сам. Вздохнув, он почувствовал легкость:

— Пожалуй, сделаю сам.

Когда-то, живя отшельником в горах, он овладел искусством приготовления чая. За все эти годы он лишь несколько раз заваривал его для Его Высочества, и тот всякий раз не скупился на похвалы.

Едва голос стих, он исчез. Бифан, только успевший запомнить название чая, поднял голову и обнаружил, что того уже нет. Он в тревоге воскликнул:

— Эй, эй, Нэйцзюнь, помедленнее!

Но на этот раз путь преградили тому, кто всегда проходил везде беспрепятственно и кого не смел остановить никто в трех мирах.

Новая небесная дева, дрожа от страха, перегородила вход в покои. Не смея поднять глаз, она набралась храбрости и преградила путь:

— Ваше Высочество уже спит. Его Высочество сказал... сказал...

— Что сказал? — Се Чэньлу остановился.

Девушка закусила губу, но, собравшись с духом, выпалила:

— Ваше Высочество просил Нэйцзюня отдохнуть в боковых покоях.

Се Чэньлу долго стоял неподвижно. Ночной ветер завывал вокруг, и порой ему казалось, что он ослышался, ведь когда-то и Чу Цзюань не посмел бы выставить его за дверь.

Но лишь на мгновение. Он отступил, убрал ногу, которую уже занес, чтобы войти, и вышел из главного дворца. Стоя снаружи и глядя на закрытые двери, он чувствовал, как лицо его мрачнеет с каждой секундой.

Его Высочество не желает его видеть.

Была ранняя весна, но ночи стояли холодные. Хотя бессмертных это не особо беспокоило, ветер был пронизывающим, шелестел листвой небесных деревьев и трепал полы зеленого

халата стоявшего снаружи человека.

Свечи в комнатах дрожали, отбрасывая беспокойные тени.

Глубокой ночью, когда пришло время сменить стражу, вошла другая небесная дева с фонарем из глазури. Свет внутри едва заметно мерцал, освещая пару глаз.

— Ваше Высочество? — испуганно прошептала девушка. Она не ожидала, что в такой час Его Высочество еще не спит.

Чу Цзюань стоял у окна, накинув черную накидку. Сам по себе он был невероятно красив, но сейчас, в болезненном состоянии, его фигура казалась еще более хрупкой и уставшей. Он тихо спросил:

— Он ушел?

Рука девушки дрогнула, фонарь качнулся. Поняв, что речь о Нэйцзюне, она поспешно покачала головой:

— Нэйцзюнь все еще стоит снаружи. Уже почти два часа прошло.

Он не входил, а просто стоял вдали, словно ждал, когда гнев внутри утихнет, хотя сам не понимал, на что именно сердится Его Высочество.

...Должно быть, что-то вспомнил.

При этой мысли ладони Се Чэньлу невольно сжались, ногти впились в кожу, перехватывая дыхание. События прошлого одно за другим всплывали в памяти, ранив сердце и пробуждая невольную ярость.

До встречи с ним Чу Цзюань был гордым и своенравным юношей, который не знал преград и действовал без оглядки. А потом, встретив его, словно попал под чары.

В те времена он из-за близости с Чу Цзюанем вызвал недовольство Шэньцзюня Цинхэна. Цинхэн перестал его принимать, и он, не имея возможности выместить злость, стал срываться на Чу Цзюане.

Когда Чу Цзюань вернулся из Бессмертного Источника с лекарством для него, он запер Дворец Бисяо, выставил множество барьеров, направленных лично против него, и публично ударил его по лицу.

До встречи с Се Чэньлу он и представить не мог, что однажды гордый принц дойдет до такого унижения, будет терпеть подобные издевательства, но все равно будет готов на все.

Ради него он потерял лицо, простоял всю ночь на ледяном ветру, чтобы лично передать лекарство, а потом позволил своему Нэйцзюню спасти того, кого он любил.

При этой мысли сердце Се Чэньлу ныло от боли. Как же, должно быть, было больно и унижительно Его Высочеству в те моменты — терпеть такие придирки и насмешки всех шести миров.

Руки Се Чэньлу, спрятанные в рукавах, сжимались все сильнее. Он думал, что забыл, но помнил все так отчетливо: как мучил Его Высочество, как топтал его искренность и как загнал его в тупик.

Он всегда помнил тот день: открыв дверь, он увидел Чу Цзюаня, покрытого снегом, с пятнами крови на рукавах от битвы со зверем, бледного, как лист бумаги. На его раскрытой ладони лежало лекарство, бережно сохраненное духовной силой.

Он прохрипел:

— Чэньлу, это Десятитысячелетний Духовный Колос. Я достал его для тебя.

А за его спиной бушевала метель, и на ступенях запекалась кровь. В тот момент у него не дрогнуло сердце, он не предложил ему войти отдохнуть, не посмотрел на его раны. В тот миг он не сказал ни слова, лишь молча вцепился в дверной косяк.

А потом смотрел, как окровавленный юноша, пошатываясь, уходит в бесконечную снежную мглу.

Бифан, следовавший за Се Чэньлу, ждал всю ночь. Золотая ворона уже поднялась с дерева Фусан, на горизонте занялся бледный рассвет, долгая ночь подходила к концу, но Его Высочество так и не смягчилось, чтобы впустить Нэйцзюня.

Бифан кашлянул, осторожно советуя:

— Ваше Высочество, должно быть, уже спит. У Нэйцзюня утром много дел, сегодня его должен посетить Король Драконов Восточного моря. Может, сначала отдохнете в боковых покоях?

Тот, чьи глаза были плотно закрыты, слегка приоткрыл их, взглянул на горизонт и равнодушно ответил:

— Ничего страшного.

Его Высочество умел ждать, и он тоже умел ждать Его Высочество.

Стоять всю ночь снаружи было больно, но болело не от того, что его выставили за дверь, а от жалости к тому, прежнему Чу Цзюаню.

Оказалось, что сопереживание — это так трудно. Не испытав на себе ночного ожидания в снегу и горечи от того, что тебя не пускают на порог, разве мог он по-настоящему понять ту боль Его Высочества?

Ему самому было так невыносимо ждать всего одну ночь, а ведь Его Высочество ждал сотни лет, бесчисленные дни и ночи.

<http://bllate.org/book/18619/1792527>